

нашими духовными учебными заведеніями, и о недостаткѣ „крѣпкихъ преданій“ въ нихъ, сами же и въ той же статьѣ совѣтуютъ уже теперь начать реформы въ реформѣ; но не отъ того ли у насъ вообще нѣтъ „крѣпкихъ преданій“, что въ каждомъ уставѣ найдется какой-нибудь параграфъ по силѣ котораго ничто въ жизни не можетъ ни окрѣпить, ни устояться.

Намъ скажутъ: нельзя же, однако, въ самомъ дѣлѣ оспаривать безусловную важность для будущаго богослова знанія такихъ трехъ языковъ, какъ греческій, латинскій, и въ особенности — еврейскій. Но вѣдь этого никто и не оспариваетъ, и московская газета спорить сама съ собою; вышеприведенное постановленіе устава, представляющее студенту богословія на выборъ одинъ изъ трехъ богословскихъ языковъ, нельзя разсматривать, какъ выраженіе недостатка пониманія или прямое отрицаніе важности значенія этихъ языковъ для богослова, со стороны составителей устава духовной академіи, а еще менѣе какъ запрещеніе заниматься всѣми тремя языками. Кромѣ того, письменныя упражненія студентовъ, которымъ отведено въ уставѣ справедливо весьма важное мѣсто, суть лучшее средство къ поддержанію въ студентахъ приобрѣтеннаго ими уже знанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ: отъ преподавателей вполне вѣрнѣе требовать, чтобы эти работы были основаны на чтеніи первоначальныхъ источниковъ. Что же касается до еврейскаго языка, то, безъ сомнѣнія, опытъ привелъ къ убѣжденію, что обязательное для всѣхъ и формальное преподаваніе этого языка въ духовныхъ академіяхъ не дало плода, и если наши Иннокентій, Макарій, знали основательно еврейскій языкъ, то этимъ они были обязаны не тому, что этотъ языкъ преподавался при нихъ въ академіяхъ, а тому, чему будутъ обязаны и будущіе наши знаменитые богословы, если такіе родятся, а потомъ такими сдѣлаются. Духовная академія должна доставить каждому желающему средства обучаться еврейскому языку и продолжать настоятельно требовать знанія латинскаго и греческаго языка, — и она сдѣлала то и другое, установивъ у себя кафедру еврейскаго языка и придавъ особенную важность письменнымъ упражненіямъ. Напрасно потому московская газета ссылается на „достоподражаемый“ уставъ академій 1814 г., упрекая составителей новаго устава въ отступленіи отъ него: и тамъ не предписывалось преподаванія латинскаго и греческаго языковъ: „въ академическомъ ученіи — говорилось въ уставѣ 1814 г. — надлежитъ только продолжать чтеніе труднѣйшихъ авторовъ на томъ и другомъ языкѣ“; и мотивируется это тѣмъ, что „въ предъидущихъ училищахъ студенты при-